Владимир Шапко

ГРАФОМАНИЯ КАК БОЛЕЗНЬ МОЕГО СЕРОГО ВЕЩЕСТВА

Повесть

16+

Владимир Шапко

Графомания как болезнь моего серого вещества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57002870
SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть о не совсем адекватном мужчине, который никак не может понять, что женщина, с которой он видится каждый день, давно его любит.

Содержание

1 4
2 7
3 9
4 11
5 14
6 17
7 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

1

С начала сентября зарядили дожди, дорогу на Хлобыстино размыло, перестал ходить даже рейсовый, и Колпакову Фёдору Петровичу, директору заготконторы в райпотребсоюзе, пришлось отправить туда своего бухгалтера Недобегу Роберта Ивановича гужевым. Отправить с коновозчиком Аксёновым. С Михеичем. Для проверки тамошнего промыслового склада. Выехали спозаранку, думали развиднеет, но опять шёл дождь, и над головой двигалось чугунное небо.

По грейдеру самой станции «Таёжная» тарабанькались с ветерком, лошадёнка бежала споро. И по мостку через Калинку простучали бойко, оставив за собой чернильные пучки кленков по берегам её. Но за станцией почти сразу дорога стала расплюйной, с колеями от телег похожей на разодранный кабель. Телега с ездоками ахала в обширные лывы, и бедная лошадёнка начинала трепетать над грязью как пожар, как факел. Мотаясь на телеге позади Михеича, Роберт Иванович достал из-под плаща большой блокнот. На блокноте было написано – «Нужные Слова, а также Нужные Предложения». Несмотря на дождь, распустил блокнот, как гармонь. Написал: «Дорога. Грязь. Телега моя раскачивается как по штормовой палубе. Эх, Россия моя, Россия! Куда путь держишь? Куда скачешь? Знать, у лихого татарина…» Телега вдруг глубоко провалилась в яму. Лошадь еле вытя-

нула её на бугорок. Больше Роберт Иванович не писал. Прикрыв мокрый блокнот полой, только нахохливался под сеющим дождём. Однако подпрыгивая с горы к Хлобыстино, всё же исхитрился записать: «Ветер дул. Тополиные кусты в Хлобыстино митинговали». Какая точная картина получилась! Честное слово!

– Роберт Иванович, не трясёт? – пряча смех, оборачивался Михеич. – Может, придержать чуток? Эко она разошлась! – кивал на попёрдывающую лошадёнку.

– Ничего, Михеич, терпимо, – трясся с блокнотом в руках Роберт Иванович.

Михеич от смеха уже падал вперёд. Трещины на шее его меняли цвет. Как на высохшей луже становились белыми.

Бригадир заготовителей Кононов вёл приехавшего начальника к складу. Предупредительный, загнувшись струбциной, даже туловом своим как бы указывал ему сухой безопасный путь. Однако Роберт Иванович был в болотных сапогах, шагал смело. Заводя начальника на крыльцо, Кононов шугнул курицу. «Пожалуйте, Роберт Иванович». За раскрытой дверью в склад чёрно зияла пустота. Но и тут Роберт Иванович смело шагнул внутрь.

К вечеру, после ревизии и обеда в доме у Кононова, прощались возле телеги с лошадью и покачивающимся Михеичем. На Роберте Ивановиче висел длинный рюкзак, набитый кедровыми шишками, в руках он держал портфель и бере-

стяной туес с августовским мёдом.

– Может, останетесь, Роберт Иванович? – совсем загнулся над начальником Кононов. – Куда же на ночь-то вам?..

– Нет, товарищ Кононов, пора. Доедем.

– Ы-ыхх! – смахнул слезу бригадир Кононов.

За хлобыстинской горой, уже в лесу, лошадёнка еле тащилась. Пьяный Михеич что-то бубнил ей, вроде как понукал. Роберт Иванович лежал и мечтательно смотрел на плывущее тёмное небо с ёжиками звёзд. Описать бы сейчас эту картину ночи. Но жалко, что нельзя, в блокноте ничего не видно.

Въезжали на станцию уже в одиннадцатом. В Калинке журчала луна.

2

Роберт Иванович Недобега считал, что романы и повести нужно писать с утра только натощак. Поэтому к столу садился прямо в майке и трусах, предварительно быстренько сбегав на двор.

Прежде чем приступить подаренным Ниной Ивановной золотым пером, Роберт Иванович оглядывал свое хозяйство на столе: всё ли на месте? Писчая бумага стопкой справа, вчерашний черновик и ещё наброски – это слева. Перед ним, прямо в лоб – чистейший лист бумаги. Итак, приступим. Роберт Иванович начинал убористо, не торопясь, писать. Иногда прерывался. С любовью, как первоклаш, оглядывал работу. Снова приклонялся и старательно выводил – худые лопатки его, как у ангела. слегка двигались в великой майке. Коротко стриженная лысеющая голова как будто светилась. Так светится утренняя золотистая пашня.

Роберт Иванович писал: ««Фамилия?!» – «Мочилов». – «Ка-ак?!» – «Мочилов», – скромно потупился новобранец». Роберт Иванович отстранился от написанного: хорошо, ёмко, и даже несколько с юмором. Так и надо всегда изображать.

В обед, похлебав вчерашних щей, вымыл тарелку и вернулся в комнату. Стал прогуливаться по ней. Было воскресенье, на работу не надо. Не мешал думать тихо работающий

телевизор. Человек с Курильской грядой на лбу опять рулил за широким столом Съездом. Роберт Иванович остановился. Какое-то время смотрел. Бросился к столу, записал: «Мотивно говорит товарищ Горбачев! Хочется точно так же пропеть. Этак закудрявить». Снова продолжил ходьбу.

Потом в телевизоре густой чередой бежали кем-то напуганные слоны. С развесистыми ушами напоминая быстро движущийся нескончаемый папоротник. Роберт Иванович опять остановился. Кинулся к столу: «Все слоны бежали. С яростными бивнями и хвостами!» Здорово! Отличная картинка Африки! В романе может пригодиться.

Закончил писать часов в девять вечера. Хватит, пожалуй, на сегодня. Широко зевнул, потянулся. Нужно беречь моё серое вещество. Да, беречь. Аккуратно прибрал всё для утра. Для завтрашней работы.

Спал очень тихо, на боку. Настенные часы спокойно вышагивали над диваном. Раза два только за ночь глохли и тряслись от пролетающих сумасшедших товарняков.

3

Летними тихими утрами солнечные большие пятна медленно переходили через широкую улицу Вокзальную от одного приземистого дома к другому. Свежие облака словно приплыли из Средней Азии – висели корзинами с хлопком-сырцом.

Из своей калитки появился Недобега Роберт Иванович в рыжих штанах, схваченных у щиколоток резинками. Заглянув в почтовый ящик, закладывал вертушок на калитке и, вихляя плоскостопными ногами, спешил в сторону Профсоюзной на работу.

С Робертом Ивановичем поздоровалась какая-то встречная усталая женщина с двумя хозяйственными сумками. Недобега заспотыкался. Выхватил блокнот. И в единый дух написал: «Мимо меня прошла сейчас зрелая прекрасная девушка с двумя хорошими, надо сказать, дунями».

– Здравствуйте, Роберт Иванович! – На этот раз Влазнев. Из Сельхозтехники. Улыбается. Прямо напугал. – Что это вы такой красный?

– Да так. Солнце.

Сложил блокнот, завихлял ногами дальше.

Новый штакетник перед конторой Сельхозтехники красили Гуляшова и Кадкина. Увидели Недобегу. Не сговариваясь, сразу запели частушку, приплясывая:

Все тетери улетели, уточки закрякали,
Мы с милёнком расставались – только счёты брякали!

Снова махали кистями. Смеялись.

Вот чертовки! Это потому, наверное, что я бухгалтер.

Показался барак. На фоне женских стонов и визгов со второго этажа – хахаль был молчалив. И, по-видимому, упорен.

Роберт Иванович опять остановился и записал: «И это – средь бела дня! О-о-о-о!»

Наконец поднялся на крыльцо потребсоюза, где в двух комнатках находилась и заготконтора.

4

Когда входил в бухгалтерию Колпаков Фёдор Петрович, директор, вторая бухгалтерша заготконторы Золотова вылезала из-за стола поспешно и боком. Точно исполняла боковой танец слонихи в цирке. Имя носила соответствующее. Размером с усадьбу — Дарья. Однако, знакомясь, всегда называла себя Дашей. Я — Даша. Вроде как только печка из этой усадьбы.

– Здравствуйте, Дарья Сергеевна! – Роберт Иванович уже садился за свой стол.

Дарья пробурчала что-то.

Роберт Иванович улыбался. Недолюбливает. И всё из-за Нины Ивановны. Подруги своей. Да.

– Дарья Сергеевна, пожалуйста, квартальный отчёт по грибам и шишке.

Золотова сидела в бумагах своих точно по грудь в компосте, тем не менее мгновенно выхватила нужную папку и швырнула начальнику.

Недолюбливает, да, это точно – развязывал тесёмки Роберт Иванович. У него на столе, как и дома, полный порядок, только необходимое. Начал читать. Сыграл на калькуляторе. Снова углубился в отчёт.

Дальше в тесной комнатке только тихо возились, поскрипывали стульями мужчина и женщина.

Иногда Золотова вылезала из-за стола и печатала на машинке. За другим столом. У окна. Громоздкая электрическая «Оптима» начинала работать как американский громогласный машинган.

Роберт Иванович осуждающе смотрел. У него дома прекрасная «Эрика». Прекрасный механизм.

В обед Золотова шла через дорогу. В библиотеку. От долгого сидения на стуле открытые полные ноги её словно были поражены древоточцем.

В тесном помещении со стеллажами и без читателей сорокалетняя Золотова смотрела на свою сорокалетнюю подругу. Тяжело дышала. Рыжие цехины на её полуоткрытой груди были как *всё моё богатство.*

– Долго ты ещё будешь с ним валандаться? А? Ведь два года уже прошло?..

Нина Ивановна Переверзева быстро передвигалась вдоль библиотечной стойки, нервно перекидывала библиотечные карточки, на подругу старалась не смотреть.

Дарья усаживалась на стул и укоризненно качала крашеным петухом на голове:

– А ты ему ручку с золотым пером даришь. А? Видела бы, как он готовится ею, прежде чем писать. Кругами, кругами водит. И ещё говорит мне, главное, сейчас: «Передайте, пожалуйста, привет Нине Ивановне». А? Подлец…

– Замолчи! – не выдерживала Нина Ивановна. Венка на

её лобике разом наливалась кровью. – Замолчи сейчас же!

Дарья молча поднималась, шла, бабахала дверью. Нина Ивановна падала на стул. Белая квадратная оборка на её груди дрожала. Походила на изрубленную капусту.

– Как там Нина Ивановна? – интересовался Роберт Иванович у Дарьи Сергеевны, перестав писать золотым пером. – Здорова ли?

Золотова не находила слов, искала их на потолке. Как землетрясение, лезла за стол.

5

В прошлом году, тоже летом, Нина Ивановна подарила Роберту Ивановичу авторучку с золотым пером, купленную ею в Новосибирске, куда она ездила в отпуск к матери и отцу. Подарила на сорокалетие Роберта Ивановича, которое не без помпы отмечалось прямо на работе всем потребсоюзом. Профком дал денег, сам Роберт Иванович добавил, и стол женщины накрыли в коридоре на втором этаже.

Пригласили также некоторых товарищей из райкома и милиции. Всего шумело за столом человек двадцать пять. Попала на торжество и Нина Ивановна. Как образцовый на станции «Таёжной» библиотечный работник, ну и как (отмечающие юбилей перемигивались за столом) невеста (вроде бы) Роберта Ивановича.

Почти все вскакивали и славословили юбиляра. Говорили, какой он прекрасный работник. Как скромен он в быту. Колпаков, его непосредственный начальник, даже прослезился. Крепко обнял вскочившего невысокого юбиляра, оплеснув его вином. Его белую нейлоновую рубашку.

Почти все вскакивали с бокалами и славословили юбиляра. Говорили, какой он прекрасный работник. Как скромен он в быту. Колпаков, его непосредственный начальник, даже прослезился. Крепко обнял вскочившего невысокого юбиляра, оплеснув его вином. Его белую нейлоновую рубашку.

Когда пришла, чуть опоздав, Нина Ивановна – все встретили её животным каким-то рёвом. Однако Роберт Иванович не повернул даже голову, сидел мечтательный, задумчивый. И Нина Ивановна прошла в самый конец стола и там присела. Решительная Золотова начала было тащить её назад, чтобы втиснуть рядом с Недобегой, но Нина Ивановна сумела отбиться. Тоже сидела скромно потупившись, почти ничего не пила, не ела. Однако когда изредка поворачивались к ней всё те же разом веселеющие лица – краснела. И жилка на её лобике набухала.

Расходились уже в темноте. Запели инвалидными давящимися голосами:

Вот ктой-то с гоорычики-и спустилыся-а…

Колпаков пел отдельно от всех. Ревуче. Соревновался с гудком на станции. Золотова как могла укрощала.

Нина Ивановна взяла, наконец, именинника под руку. Пошли мерно в ногу.

– Для писателя, Нина Ивановна, сорок лет – это самый плодотворный возраст. Ах, как много впереди работы! Как хочется жить!

– Конечно, Роберт Иванович. Конечно, вы будете много работать, – безотчетно говорила Переверзева, всё думая, как и где вручить подарок.

Наконец вышли к фонарю, на свет.

– Вот, Роберт Иванович, – это вам. От меня. Примите, пожалуйста.

Недобега быстро развернул обёртку, открыл футлярчик. Паркер! Настоящий! С золотым пером! Задохнулся даже на миг. Но опять как всегда высокопарно изрёк:

– Вот теперь у меня будет отличное орудие труда, Нина Ивановна! Отличное! Спасибо! Тронут!

Возле штакетника Нины Ивановны остановились.

– Может, зайдёте, Роберт Иванович? Я печенья напекла, чаю попьём?

– Нет, Нина Ивановна. В другой раз. У меня скопилось много впечатлений за сегодняшний вечер. Нужно срочно их перенести на бумагу. – Он вдруг засмеялся. Диковато. Как скалолаз: – Эх, и пойдёт у меня теперь работа новым пером, Нина Ивановна!

Попрощавшись, он пошёл. Плоскостопо. Повихливая ногами. Но быстро. И провалился в темноте.

Да-а. Права, наверное, Дарья. Просто больной. На душе у Нины Ивановны было нехорошо, горько. Открыла калитку, пошла к тёмному своему дому.

6

В детстве Роба Недобега чурался сверстников. В начальной школе села Предгорного у него был только один товарищ – Гена Селезнёв. На уроках родной речи Робу всегда поражало, как может один человек (Гена) так много выучить дома наизусть. Гена просто вставал из-за парты и вместо пересказа шпарил всё произведение, словно читая его. По учебнику «Родная речь». Клавдия Георгиевна хвалила Гену, ставила пятерку, но говорила, что столько учить дома наизусть не нужно, лучше суметь изложить всё своими словами. Но Гена продолжал учить всё наизусть. Зато когда наступал урок арифметики, а с четвёртого класса и алгебры – тут не было равных Робе Недобеге. Любые примеры щёлкал он на доске как орехи.

На переменах, заложив руки за спину, маленькие друзья гуляли по коридору школы, получая от весёлых бегающих сверстников не совсем заслуженные щелобаны и тумаки. («Н-на, Ропка Еропкин!» «Н-на, Селезень!») Иногда оба оказывались зачаточным клубком большой кучи-малы. Но звенел звонок, начинался новый урок, и уж тут свои способности одноклассникам показывали они.

Они даже влюбились одновременно. Роба в Галю Поливанову, а Гена в Зину Зорькину. Но надменная Галя только фыркала, закидывая каждый раз косу за спину: «Этот Еропкин!

кин!» А Зина смеялась над Геной и почему-то его всё время щипала. И на переменках, и на уроках. С соседней парты. Отвергнутые друзья нередко теперь шли к домику над рекой, где жили Недобеги, садились на пожухлую траву, грустили и смотрели на алтайские, долго стоящие в горах закаты. Выходила из домика мама Робы: «Гена, Роба, домой!» Ребята вставали и шли. В двух окнах домика слепло, вспыхивало солнце. Гена часто ночевал в этом рубленом невысоком домике. Дядя Ваня Недобега был зоотехником, образованным, а тётя Глаша работала простой дояркой.

После окончания предгорненской десятилетки дороги друзей разошлись: Гена поступил в Барнаульский пединститут, а у Робы Недобеги в это же самое время случилось большое несчастье – трагически погибли его родители… Перед отъездом сына на вступительные экзамены они решили купить ему настоящий мужской выходной костюм. Конечно, в городе. Все трое они стояли на остановке за деревней вместе с другими сельчанами, тоже собравшимися в город. Роберт зашёл в бетонную будку, чтобы завязать развязавшийся на ботинке шнурок. Успел увидеть только, как грузовик смёл всех с остановки… Он кричал и бежал к завалившемуся ревущему пьяному самосвалу, к разбросанным по кювету тряпичным телам…

После похорон родная сестра погибшей Глаши Софья повезла племянника к себе в Красноярск. В автобусе Роберт трясся на последнем сидении и смотрел в окно на удаляю-

щуюся свою деревню. Окна маленького домика на горе были заколочены досками. Походили на ослепшие глаза в повязках…

В Красноярске Роберт Недобега год работал на заводе. Тоже как и Гена Селезнев поступал в пединститут. В местный. Провалился. Снова вернулся на завод. В армию не взяли – плоскостопие. С детства. Наконец по совету дяди Коли, мужа тёти Сони, записался на бухгалтерские курсы. Которые с успехом и закончил через шесть месяцев. Работал по сразу понравившейся специальности. И через три года, съездив пару раз *на повышение квалификации*, стал Робертом Ивановичем, главным бухгалтером Потребсоюза.

Карьеру поломала женщина по фамилии Солодовникова. На которой женился, а потом долго разводился. Уехал из Красноярска с ободранной душой. Ладно, хоть детей не было. Уехал в глушь, на станцию «Таёжная», где взяли на работу сразу.

7

Отдыхая, Роберт Иванович как всегда ходил по комнате. Мягко работающий телевизор думать не мешал. Теннисистка-негритянка била мячи очень сильно, с устрашающими кряками. Казалось, мячи вылетали прямо из её паха, из её широко раскидываемых, мощных, с кривизной ног. Вылетали – как из загона… Роберт Иванович остановился, какое-то время смотрел. Бросился к столу. Нашёл тетрадь «Нужные слова и Нужные предложения». Быстро записал в ней: «Сокрушительные удары негритянки следовали с неимоверной силой. Её противница уже изнемогала». Всё это пригодится. В дальнейшем. Телевизор – это отличная тренировка моего ума и сердца! Да. Продолжил планомерно побалтывать плоскостопными ногами.

Ночью приснился странный сон. В местном депо на митинге рабочие походили на немую голую поросль, ровно заточенную ураганом на одну сторону. А Роберт Иванович был живой, весёлый. Почему-то оказался впереди всех. Перед самой трибуной. С вытянуто увеличенным лицом он приседал и что-то толмачил трибуне руками. Пулял ими. Как пуляет руками певец на концерте в телевизионный экран… Потом с трибуны ему громко крикнули: «Уйди отсюда!» И он проснулся.

Утром Роберт Иванович не смог записать этот странный

сон: никак не находились слова для передачи его на бумагу. Хотя Роберт Иванович всегда писал легко. И слова сами прибегали к нему. А тут – никак.

На работе он спросил:

– Дарья Сергеевна, как вы будете голосовать на референдуме? О будущем Советского Союза?

– Это мое дело! – буркнула Золотова.

– Да, конечно…

Вошёл Колпаков. Ещё трезвый. Поспешно исполнила слонихин боковой танец Золотова. Роберт Иванович тоже привстал с протянутой рукой.

Колпаков пожал руку.

– Вы определились с референдумом, товарищи?

Сотрудники молчали и словно бы чесали в затылках.

Тогда Колпаков вышел. Реденькие усы его пошевеливались. Напоминали заводные усы мыша. Идя к себе, он точно принюхивался к чему-то. Нехорошему, вонючему.

За столом косился на бутылку. Решительно задвинул её в тумбочку. Постучав в стену, крикнул:

– Дарья Сергеевна, зайдите с отчётом!

Дарья забежала, напевая. Домашние тапочки на её ногах походили на бисквиты. Повернула в двери ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.